Слова – хамелеоны, Они живут спеша.
У них свои законы, – Особая душа.
Они спешат меняться, Являя все цвета,
Поблекнут, обновятся, И в том их
красота.

К.Бальмонт.

Язык – одно из самых загадочных явлений, бытующих в человеческом обществе. Язык создал человека и стал важнейшим средством общения людей, сохранив важные свидетельства развития человеческой истории и культуры. Общение людей, как известно, происходит при помощи слов, которые являются немыми свидетелями всех изменений в жизни человеческого общества, отражая всё своеобразие интересов, верований, нравов, обычаев, способов мышления людей. Когда мы говорим «язык», мы думаем «слово». Это естественно, язык состоит из слов, тут спорить не о чем. Но мало кто представляет себе по-настоящему, каково оно, самое простое и обычное человеческое слово, каким неописуемо тонким и сложным творением человека оно является, какой своеобразной (и во многом загадочной) жизнью живет, какую неизмеримо огромную роль играет в судьбах своего творца – человека. Если в мире есть вещи, достойные названия «чуда», то слово, бесспорно, первая и самая чудесна из них» [Успенский */7: 157].

Как известно, судьбы отдельных слов намного сложнее, шире, удивительнее, разнообразнее человеческих судеб, поскольку именно слова сохранили в себе следы древнейших человеческих отношений, обычаев, верований, культуры. Все это заставляет очень внимательно относиться к каждому слову, исследовать его историю, реконструировать его исходное состояние, привлекая самый разнообразный как собственно языковой, так и неязыковой (исторический, культурологический и т.д.) материал. Конечной целью подобного исследования является определение того, где (в каком языке), когда, как (из каких составных элементов, морфем), с каким значением возникло то или иное слово, какие изменения его формы и значения привели к современному состоянию.

Как известно, в основе наименования того или иного предмета или явления часто лежит несущественный признак, случайно бросившийся в глаза в момент называния этого предмета или явления. Этот признак

называют **внутренней формой** слова. Утрата внутренней формы – объективный и неизбежный процесс смыслового развития слова, отражающий диалектическое взаимодействие языка и мышления. Вот почему так трудно восстановить первоначальный признак в пределах того или иного слова и определить основы называния.

Образ, легший в основу наименования, − лишь основа для развития значения слова, а потому он может забыться и исчезнуть вообще, что приводит к превращению слова в немотивированное, называющее предмет или явление непосредственно, безотносительно к чему бы то ни было. Восстановление внутренней формы используется многими писателями для усиления выразительности речи, создания образности, осязаемой конкретности описания. Так, например, у Пришвина: «Еще растет в болоте *голубика* кустиком, ягода голубая, более крупная, не пройдешь, не заметив».

Занимаясь поисками первоначальной мотивировки, исследователь должен представлять себе всю историю звуковых изменений, происходящих в языке по тем или иным звуковым законам; историю словоизменения и словообразования, чтобы определить, из каких морфем и по какой словообразовательной модели оно было образовано, определение изменений в семантике слов при учете тех фонетических закономерностей, которые способствовали изменению его фонетического облика.

При этом необходимо опираться на ту строгую систему фонетических соответствий, которая устанавливается в результате закономерных изменений звукового строя

Так, в древности в языке славян огромную роль играли чередования гласных в корне, унаследованные ещё с общеиндоевропейской поры. К числу подобных отношений, связанных с былым чередованием гласных в пределах одного и того же корня, относится чередование е>о, проявляющееся достаточно ясно и особенно в случаях приглагольного словообразования. Отсюда параллели типа *велю* > *воля* (первоначально «веление»), *делю* > *доля*, *гребу* > *гроб* (ср. *су-гроб*), *беру* > (*за*)*бор* и т. д. То же самое чередование мы обнаруживаем в словах, которые некогда относились к одному этимологическому гнезду. Древний глагол *реку* (*речь*) дал в качестве производных образований слова с корневым *-рок-*: *про-рок* исторически «говорящий наперед», *от-рок* «не говорящий, не имеющий права говорить», *с-рок* «время, о котором условились, договорились», *об-рок* «то, о чем договорились, соглашение», *у-рокОшибка! Закладка не*

определена. – «условие, соглашение» и т.д. Ср. у А.С. Пушкина: «И *отроки* тотчас с конем отошли, А князю другого коня подвели». Или: «Ярем он барщины старинной *оброком* легким заменил, и раб судьбу благословил». Связь с исконным *рок*- по семантике уже утратилась.

Системный характер приведенных корневых чередований может способствовать восстановлению былой мотивировки слова. Так, слово *топор*, которое в древнерусском языке называло вид боевого оружия (например, в «Задонщине»: «Трянуша копия харалужные, мечи булатные, *топоры* легкие» или у А.С. Пушкина: «Вкруг ее стоит грозная стража, На плечах *топорики* держат») было мотивировано исчезнувшим из языка глаголом *тепу* ‘бью, колочу, секу’. Современное диалектное *тёпать* «тяпать, рубить» (откуда «*недотёпа*») подтверждает мотивированность слова *топор* с соответствующим глаголом с корневым -*е*-.

Чередующиеся корневые гласные могут входить в состав каких-то других исторических сочетаний. Так, полногласные сочетания типа -*ере*-/-*оро*- представляет тот же тип чередований *е* > *о* в осложненном виде. Например, *обмереть* – *обморок* (ср. *обморочить* – ‘обмануть’), *дерево* – *здоровый* − первоначально «крепкий, как дерево», (*про*)*стереть* – *сторона.* Наследием былых отношений в пределах сочетаний гласных с плавными, приведших к формированию полногласных сочетаний в русском языке, являются соответствия в виде: *дергать* – *судорога*, *терпеть* – *торопить*, *мерзить* (*мерзкий*) *мороз* и др., где сохранившиеся сочетания типа -*ер*- помогают объяснить семантику однокоренных слов с развившимся полногласием Как известно, гласный -*е*- вызывал в древнейшую пору соответствующие изменения заднеязычных согласных (*г, к, х*), стоявших в слове перед ним. Именно к этим изменениям восходят современные чередования согласных типа *к>ч*, *г >ж*, *х >ш*, возникновения которых обусловлены действием былых палатализаций заднеязычных. Так, общеславянские корневые чередования типа **kes>*kos* отразились в современных словах *чесать*// *коса*, этимологически связанных друг с другом.

Еще более сложная картина может быть представлена при восстановлении исконных качественно-количественных чередований. К их числу подобных чередований необходимо отнести чередования типа *о>а*, представленные в однокоренных формах. Это и предельно прозрачные образования типа (*у*)*корить* > *кара* или *гореть* > *угар*, *валить*> *волна*, *плоский*> *пласт* и т.д., и образования типа *творить*> *тварь*,

словообразовательные и семантические отношения между которыми уже стерлись, хотя первоначально *тварь* –‘все сотворенное, творение’. В рифмованном обороте ‘всякой *твари* по паре’ слово *тварь* употребляется в значении ‘животное’, восходя к преданию о всемирном потопе [Шанский 2002: 88]. Вот откуда современное ругательное *тварь* – о ком-то или чем-то ничтожном, недостойном внимания, а значение «все сотворенное на земле» становится периферийным, практически не используется в обычной коммуникации. *Тварь* как слово, обладающее сниженной экспрессивной оценкой, можно обнаружить, например, в рассказе Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон» «...Я... так всегда говорил в уме с богом: ты *творец*, а я *тварь* – мне тебя не понять». Восстановление былых отношений со словом *творить* у лексемы *тварь* также возможно, как правило, лишь в специальном употреблении, поэтическом тексте. Так, у Ф.И. Тютчева: «Я много узнал мне неведомых лиц, / Знал *тварей* волшебных, таинственных птиц, /По высям *творенья*, как бог, я шагал...».

То же чередование о//а содержится в словах *палить* > *полено* при всем их семантическом различии в современном русском языке. Древнерусский глагол *палити* имел и вариант *полети* в значении ‘жечь, сжигать’, откуда и суффиксальное образование *полено* ‘бревно для топки’. Производным же от *палити* является *пал* (уже вышедшее из употребления) и *палка* (ср. *палица*). Слово *палка* первоначально обозначало обожженное дерево, кол, который оставался на месте сожженного леса. По древнему обычаю перед посевом сжигали лес – *пал*, на месте которого должна была быть пашня. *Палкой* стали называть любой удлиненный нетолстый отрезок древесного ствола.

Чередование гласного *-у-* с *-ы-* объединяет такие слова, как *слух* > *слышать* где отношения предельно прозрачны, или *стужа* >*стыд*, где *стужа* является производным от глагола *студить*, а *стыд*, первоначально имевшее значение ‘холод’, подверглось семантическому переосмыслению и стало обозначать ‘срам, позор’. Когда-то наши предки, говоря *стыд*, имели в виду чувство озноба, естественно возникающее у внезапно раздетого и потому страдающего от холода человека.

К числу фонетических факторов, существенно изменивших облик многих слов в русском языке, необходимо отнести и различные типы переходных смягчений согласных: результаты палатализации заднеязычных согласных, сочетаний согласных с *j* и т.д.

Результатом первой палатализации, то есть перехода заднеязычных

согласных в шипящие перед гласными переднего ряда, явились и изменения в однокоренных словах: *тук* – *тучный*. Первое слово уже вышло из употребления, хотя встречается еще у А.С. Пушкина: «Да в пору благотворну снеги / Покроют влажный *тук* полей!». *Тук* употреблялось в значении «сало, жир, жирная почва». Иногда превращение *г* в *ж* завуалировано в однокоренных словах какими-то дополнительными фонетическими процессами. Так, слово *подражать*, содержащее в своей основе неполногласное сочетание типа *-ра-* исторически соотносится с лексемой *дорога*, где тот же корень содержит древнерусское полногласие *-оро-*. Следовательно, п*одражать* первоначально ‘идти той же дорогой, что и кто-либо’ и только затем *подражать*– ‘следовать чьему-либо примеру’.

Таким образом, знание фонетических закономерностей развития языка позволяет восстановить первоначальный облик того или иного слова определить содержание тех метаморфоз, которые с ним произошли.

Правда, одного лишь восстановления первоначального звукового облика слова для выяснения его истории недостаточно, поскольку необходимо учитывать и целый ряд других моментов, связанных с этим словом: изменение его структуры, семантики, сочетаемости и т.д. Однако фонетический подход к восстановлению исконного значения слова может быть одним из ведущих. Так, например, восстановить древний корень в слове *пошлый* в виде древнейшего *пошьдлъ* > (*по*)*шьлъ* и определить мотивировку этого слова глаголом *идти*/*шел* помогает знание не только фонетических и словообразовательных отношений, но и происшедших семантических сдвигов, которые возможны в аналогичных словах. Связь с глаголом *идти* проясняет исконную семантику этого слова: *пошьлыи* – ‘идущий исстари, исконный, обычный’, ‘известный’ (старое: на *пошлом* месте – то есть всем известном месте). Утрата семантических связей с производящим словом и фонетические изменения способствует превращению его в немотивированное слово с общим значением «низкопробный, тривиальный». Еще во времена А.С. Пушкина слово *пошлый* сохраняло старое значение (хотя было способно употребляться и в новом): «И прерывал ее меж тем / Разумный толк без *пошлых* тем, / Без вечных истин, без педантства». Слово *пошлый* здесь используется в значении «весьма распространенный, став привычным, всем известный, ходячий».

Структурные изменения, происшедшие в слове на протяжении его длительного функционирования в языке, должны быть рассмотрены на фоне

той грамматической и словообразовательной системы языка, в пределах которой возникло или преобразовалось данное слово. Словообразовательный подход к изучению истории слова предполагает восстановление его исконной словообразовательной структуры, определение древнейшей мотивировки, исконных словообразовательных отношений в пределах того или иного словообразовательного ряда и, наконец, исходного словообразовательного значения.

Так, говоря о глаголах, некогда мотивированных именами существительными, можно восстановить мотивирующее имя, хотя ассоциация между словом, называющим действие, и именем, по соотнесенности с которым названо это действие, уже стерты в сознании говорящих. Например: *вершить* – первоначально ‘доводить кладкой до верха’ (спец.), совр. ‘выполнять, распоряжаться, управлять’; *ворожить* – при исходном *ворог* ‘колдовать с враждебной целью’, совр. ‘гадать, предсказывать будущее’; *следить* – при исходном *след* ‘идти по тому же следу’, совр. ‘наблюдать движущийся предмет’ и т. д.

То же самое отмечается и в глаголах, мотивированных некогда прилагательными: *простить* – при исходной мотивации словом *простой* в значении ‘прямой’, ‘выпрямить’, то есть ‘разрешить виноватому, согнувшемуся в раболепном поклоне, выпрямиться’; совр. ‘извинить, снять с кого-нибудь чью-нибудь вину’; ср. *прощай* ‘прости’ (*прости* меня – ‘позволь мне поднять повинную голову, встать с колен’);

В том случае, если глагол имеет определенную словообразовательную структуру при выражении типового значения и ясной мотивации, то по аналогии с имеющимися в языке мотивированными глаголами можно восстановить первоначальную производящую основу и у слов с неясной или уже утратившейся мотивировкой. Так, группа глаголов на -(*о*)…*еть*, выражая общее значение «становиться твердым, неподвижным, подобно тому, что указано производящим словом», может иметь в языке достаточно прозрачную мотивировку: ‘стать подобно кости’ > (*о*)*костенеть*, ‘стать подобно столбу’ – (*о*)*столбенеть*, ‘стать подобно кочану’ – (*о*)*коченеть* и т.д. Например, у А.С. Пушкина: «Не дай остыть душе поэта, / Ожесточиться, очерстветь, / И, наконец, *окаменеть* / В мертвящем упоенье света». В ряд приведенных отношений вписываются и такие слова, как *околеть* – разг. ‘издохнуть (стать неподвижным подобно колу)’ или (*о*)*цепенеть* – ‘становиться неподвижным под влиянием какого-либо сильного чувства (то

есть стать неподвижным подобно *цепу*, где *цеп* – старое название орудия для молотьбы, палка)’.

В качестве оформителя лица по действию в древнерусском языке выступал и суффикс -*ач*, успешно конкурировавший с синонимичным формантом -*арь*, но постепенно утративший продуктивность и вытесненный другими аффиксами с тем же значением лица. При сохранении некоторого количества производных образований типа *ловчить* > *ловкач*, *трубить* > *трубач*, *ткать* > *ткач* и т.д., называющих лицо действию, есть и формы на -*ач*, у которых мотивация уже исчезла. К их числу относится и слово *врач*. По аналогии с приведенными образованиями напрашивается мотивировка однокоренным глаголом *врать*, которое в современном языке выступает со значение «говорить неправду», а потому не может быть производящим для слова *врач*, синонимичного *доктор*. Однако в древнерусском языке глагол *врат*ь, заимствованный из старославянского языка, выражал значение «колдовать, говорить». *Врач* первоначально – «человек, заговаривающий болезни». Совр. болгарское *врач* – «колдун», сербское *врач* ‘чародей, колдун, предсказатель, знахарь’, а *врачити* – ‘ворожить, гадать, предсказывать, лечить (знахарством)’. Глагол *врать* еще в XIX веке употреблялся в значении «говорить». Вот почему у А.С. Пушкина старое употребление этого слова: «Полно *врать* пустяки!». Закрепление глагола *врать* в новом значении «говорить неправду» – одна из причин полного разрыва всяческих связей между *врать* и *врач*, и лишь аналогия с другими образованиями на -*ач* способна их восстановить [Откупщиков 2005: 17].

Образование слов по какой-то модели могло сопровождаться различными фонетическими изменениями (чаще всего на стыке морфем). Ярким примером первого процесса может служить слово *ясли*, утратившее свою мотивирующую основу, но поддающееся этимологическому анализу в ряду однотипных образований. Слово *ясли* было некогда образовано от глагола *есть*, имевшего в древнерусском языке формы *ѣсти* и *ясти* (корень этого глагола -*ед*- или -*яд*-, ср. е*да* или *яд* с первоначальным значением «еда», откуда и слово *яства*) с помощью древнего славянского суффикса -*сл*-, который присоединялся к глагольным основам, при этом происходило упрощение сочетания согласных типа: *ясти* > *яд-сли* > *ясли*. Это слово образовано по той же модели, что и *мазать* > *маз-сло* > *масло*, *прясть* > *пряд-сло* > *прясло*, *гудеть* «играть на музыкальном инструменте» > *гуд-сли* > *гусли* и т.д. Следовательно, *ясли* – это буквально «предмет, из которого едят».

Основное значение данного слова во многих славянских языках «кормушка для скота». Постепенно оно приобрело и новое значение, подвергшись процессу семантического переосмысления, – «воспитательное учреждение для детей до трехлетнего возраста» (то есть место, где прежде всего детей кормят). Семантическое сходство того, и другого слова очевидно.

К числу отглагольных прилагательных относятся современные формы на *-ительный*, типа *уважительный, строительный* и т.д. В их числе есть формы, нуждающиеся в определении своего происхождения и первоначальной семантики. Так, слово *пленительный*, мотивированное глаголом *пленить* и утратившее с ним семантические связи, первоначально значило ‘берущий в плен силой своего очарования’, а затем «покоряющий прелестью». Слово *обаятельный,* близкое ему по основному значению «очаровательный, обворожительный», было связано с древним глаголом *баять* «говорить» в его церковнославянском префиксальном образовании и значении «заговаривать, чаровать»; слово *обворожительный* первоначально связанное с *ворог* и *ворожить* (тот есть околдованный с враждебной целью), в современном языке мотивируется глаголом *обворожить*, изменившем свою семантику на противоположную – «привести в восхищение, очаровать, пленить». То же и с прилагательным *очаровательный,* которое первоначально значило «берущий в плен своими чарами», теперь − «чарующий, прелестный, восхитительный». Некоторые прилагательные на

-(*и*)*тельный* кардинально изменили свою семантику на протяжении длительного существования в языке. Так, прилагательное *возмутительный,* в XIX веке связанное с глаголом: *возмутить*/*возмущать* и употребляемое в современном языке в значении «вызывающий чувство возмущения», способно было выражать другое значение, связанное с иным отношением к тому же действию: «призывающий к возмущению, бунту». Именно эта семантика прилагательного *возмутительный* отражена в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина: «Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с *возмутительными* листами». Слово *соблазнительный* во времена А.С. Пушкина также могло выражать иное значение, поскольку отражало семантические связи с производящим названием лица *соблазнитель*, а не с глаголом *соблазнить*, откуда и современное значение этого прилагательного «заманчивый, привлекательный». В романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» ещё отражается старая семантика прилагательного *соблазнительный*: «Не потому

ль, что мой позор / Теперь бы всеми был замечен / И мог бы в обществе принесть / Вам *соблазнительную* честь?» (то есть честь соблазнителя).

В некоторых случаях функционирование прилагательных в современном языке с определенным значением, зависящим от характера мотивирующей основы и соответствующего аффикса, подсказывает, какое мотивирующее слово должно быть у того или иного одноструктурного адъектива. Так, в современном русском языке функционирует словообразовательный тип с общим значением «не имеющий того, что указано производящей основой», при использовании конфиксальной конструкции *без….ный*: Отсюда *беспечный* (его синоним *беззаботный*). Производящая основа для этого адъектива некогда имела вид *пека* «забота» (ср. *опека, опекать**Ошибка! Закладка не определена.*** и др.). То есть б*еспечный* ‘не имеющий пеки, заботы о ком или чем-либо’. Слово *пека* было когда-то производным от древнейшего глагола *печь* и имело значение ‘то, что печет душу, заботит’. Близко приведенному прилагательному по значению и структуре слово *беспутный*, где можно выделить производящую основу *путь*. Причем это было название не просто пути или дороги, а ***хорошей*** дороги, проезжей или ходовой, а отсюда в результате переосмысления и название каких-то добрых деяний, толка, разума (ср. «*говори путем*», «*не путем делаешь*» и т.д., то есть говори и делай «с толком, с умом»). Отсюда *беспутный* первоначально – «не видящий перед собой хорошего пути» и, следовательно, «легкомысленный, разгульный». Современное *беспутный* – «лишенный разумной цели, безрассудный, бестолковый».

Особой оговорки при выяснении исконной мотивировки того или иного слова требуют связанные основы, анализ соотношения которых позволяет искать в былых производных корень, объединяющий ту или иную группу слов в одно своеобразное целое. Так, при сопоставлении глагольных пар типа *отнять – отнимать*, *принять – принимать* и т.д., яркой особенностью которых является многообразие приставочных форм при одном «связанном» корне, становится достаточно ясным облик первоначального мотивирующего глагола: это -(*н*)*яти*. который в древнерусском языке имел вид *яти* (*i< ти*).

Начальный -*н*- явился результатом морфологического переразложения, то есть «отошел» от приставок. В сочетании с глаголами *яти* и *имати* приставочный -*н*- присоединился к корню, который стал иметь вид -*няти* и -

нимати при сочетании с прочими приставками. Вот откуда *при-нять – при-нимать* и т.д. Некоторые формы содержат два варианта корня: с *-н-* и без *-н-*, которые в современном языке могут быть семантически и стилистически в дифференцированы. Например, *объять* «охватить» и *обнять* «заключить в объятия», *приять* (уст.) – *принять* «взять, получить даваемое в своё ведение» и т.д. Еще во времена А.С. Пушкина использовались формы без *-н-*, которые впоследствии были заменены образованиями с *-н-*: «И новый он *приял* венец» или «О много, рок *отъял*» («Евгений Онегин»).

В отличие от глаголов, существительные со связанными основами представляют собой объединения слов, где представлены производные имена, осложненные самыми разнообразными морфемами и являющиеся отдельными звеньями разных словообразовательные цепей. Так, группа слов с общим корнем *куть* в значении «угол» оставила след в таких связанных основах, как *кутенок* – первоначально «слепой щенок, которого держат в углу», *закуток* – «отгороженное в доме пространство, имеющее угол», *кущи* (райские *кущи*) – «помещение, где есть углы, состоящее из углов» [Колесов 1976: 172] Сюда же относится и глагол *кутать* (*за-кутать*) ‘укрывать, завертывать’, то есть первоначально ‘прятать’ (в углу).

Анализ всех словообразовательных и былых семантических связей, которые происходили в слове позволяют говорить о необходимости гнездового исследования родственные образованиё с одним и тем же корнем

Этимологическое гнездо с корневым *печь* включает в значительное количество былых производных слов, уже утративших семантические связи с исконным глаголом, а потому подвергшихся процессу деэтимологизации. При восстановлении былых связей между мотивирующим глаголом и мотивированным словом можно определить и исходную семантику отдельных элементов гнезда.

Оставляя в стороне живые связи между глаголом *печь* и его префиксальными производными типа *запечь, допечь, испечь* и т.д., которые входят в словообразовательное гнездо, формируемое глаголом *печь*, обратимся к тем лексемам, которые могут быть лишь исторически возведены к одному общему источнику. Это прежде всего слово *печень* – название внутреннего органа человека, образованное с помощью финального *-ь* от *печенъ* – страд. причастия прошедшего времени. Отсюда и первоначальное значение слова *печень* как «внутренность для запекания пищи», которое

впоследствии стало наименованием органа человека Слово *печать* также восходит к корню *печь* и первоначально значило «выжженный знак, тавро», «металлический штамп для выжигания знака на коже животного». Постепенно слово *печать* предельно расширило свою семантику и стало обозначать все, что связано с печатаньем.

Глагол *печатать* (воспроизводить оттиски с набора, клише, негатива и т.д.), генетически производный от первоначального *печать*, стал функционировать как производящая основа по отношению к этому слову (на базе обратной соотнесенности), причем расширение его семантики тесно связано с семантикой самого исходного слова *печать*. Как видно из приведенных примеров, развитие семантических особенностей слова *печать* происходило на метонимической основе: *печать* «металлический штамп»> *печать* «выжженный знак» > *печать* «оттиск знаков на чем-либо» > *печать* «что-либо напечатанное» и т.д. От слова *печать* было образовано и устаревшее *печатка* – «небольшая печать на кольце с нарезными знаками для оттиска их на чем-либо». Например, у А.С. Пушкина: «Запечатав оба письма тульскою *печаткою*, на которой изображены были два пылающих сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала».

Производными от древнего *печь* являются слова *опека* и *опекать*. Древнерусское *пека*, мотивированное глаголом *пек-у* (*печь*) означало «то, что печет душу» и было синонимом по отношению к слову *забота*. В том же значении выступало и производное от *пека* слово *опека* «забота, попечение».

При существительном *опека* в современном русском языке существует глагол *опекать* и существительное *опекун* – «лицо, которому поручена опека над кем-либо».

С древним *пека* и *печа* связано и прилагательное *беспечный* «беззаботный», возникшее первоначально на базе словосочетания *безъ печh* «без заботы». Исходное значение этого прилагательного – «тот, кто живет без *пеки*, которого ничто не допекает». Слово подверглось процессу деэтимологизации, утратив всякие связи со своей первоначальной производящей основой, исчезнувшей из языка. С древнейшим *печа* связано и слово *печаль*, некогда обозначавшее горе, заботу, несчастье («то, что жжет душу»), откуда и его производные *печальный*, *печалиться* и т.д.

С древнейшим существительным *печь* в значении (*печка*) связано слово *печора* (ст. слав, *пещера*) – «отверстие в чем-либо (земле, скале), похожее на

печь». В современном русском языке закрепился старославянский вариант этого слова *пещера*.

И, наконец, с глаголом *печь* связано существительное *печенье* «кондитерское изделие из кусочков сладкого теста», которое является семантически производным от слова *печенье*, обозначающее действие по глаголу *печь*.

Таким образом, этимологическое гнездо с корневым *печь, пек-* содержит достаточно много производных форм, которые утратили отнесенность с первоначальным мотивирующим словом и функционируют в языке как самостоятельные лексемы.

Изучение истории слов на основе фонетических законов и закономерностей оказывается явно недостаточным, поскольку чрезвычайно важным представляется учет тех изменений, которые происходят в семантике каждого слова на протяжении его длительного существования в языке. Однако уловить системный характер изменений в семантической структуре слова гораздо труднее, чем в его фонетическом облике или морфемном составе. поскольку в силу общеизвестной подвижности лексического значения слова многие семантические сдвиги, происшедшие в нем в тот или иной период развития языка, забыты

К числу наиболее существенных изменений в семантике слова, отмечаемых на протяжении его длительного функционирования в языке, относятся процессы р а с ш и р е н и я и с у ж е н и я значений слов. При этом под *расширением* понимается увеличение семантического объема слова, которое происходит в процессе длительного исторического развития или в контексте речевого употребления. *Сужение* же значения слова – процесс противоположный, представляющий собой уменьшение семантического объема слова, также происходящего в результате длительного функционирования слова в языке. В случае расширения значения приходится говорить об отображении в слове такого предмета или явления, разновидность которого была лишь частично отражена старым значением. В случае же сужения, наоборот, слово отражает лишь часть, какую-то сторону, разновидность того предмета или явления, которое было отображено старым значением.

Процесс исторического р а с ш и р е н и я семантики слова прослеживается в самых разных словах, подвергшихся процессу деэтимологизации.

Слово *неделя*, будучи связанным исторически со словосочетанием *не*

дѣлати, называло первоначально «день отдыха». Это значение сохранилось и сейчас во всех славянских языках (ср. польск.. *niedziela* «воскресенье»). В современном русском языке это слово расширило свое значение. Это «единица исчисления времени, равная семи дням».

Иногда расширение значения слова приводит к перестройке его грамматических форм. Так, слово *подонки* первоначально выступало в значении «частицы жидкости на дне вместе с осадком» и употреблялось только во множественном числе. В силу расширения семантики слово *подонки* стало употребляться в более общем значении и становится экспрессивно-отрицательным названием группы лиц либо как деклассированных, преступных элементов общества, либо названием лиц по их принадлежности к какой-либо социально-общественной категории (*подонки* общества, *подонки* правящих классов и т.д.), употребляясь только во мн. числе. Утратив компоненты социального смысла, слово *подонки* переходит к разряд эмоционально-экспрессивной лексики и становится яркой негативной характеристикой низкого и подлого человека, закрепившись прежде всего в единственном числе.

Иногда для определения содержания процесса семантического расширения необходимо учитывать и экстралингвистические факторы, представлять себе те реалии, которые стоят (или скорее – стояли) за тем или иным словом.. Яркий пример подобного типа отношений – слово *позор*, образованное некогда также с помощью перегласовки от исчезнувшего из языка глагола *позьрети* «посмотреть». Первоначальным значением слова *позор* было «зрелище, спектакль». Оно сохраняется довольно долго, вплоть до XIX века. Так, в «Руслане и Людмиле» А. С. Пушкина мы находим: «Но между тем какой *позор* / Являет Киев осажденный?» Или в стихотворении «Деревня»: «Везде невежества убийственный *позор*» (то есть убийственный вид невежества). Постепенно слово *позор* расширило свой семантический объем и стало обозначать «стыд, срам, бесчестье». Развитию семантики слова *позор* в виде «зрелище позорное > стыд, срам, бесчестье» способствовали особые обстоятельства, связанные с тем, что некогда преступники приковывались к позорному столбу на всеобщее обозрение за свои прегрешения, на *позор*. Постыдное положение привязанного к столбу преступника способствовало семантическому переосмыслению слова *позор*, утратившему связи с первоначальным глаголом и обозначающему постыдное, унизительное для кого-либо положение, вызывающее презрение.

В процессах расширения семантического объема слова участвуют и производные существительные, осложненные различными морфемами, но уже утратившие ассоциации с бывшими мотивирующими основами. Слово с суффиксом -*ник поклонник* было унаследовано из старославянского языка и первоначально обозначало человека, поклоняющегося богу, богомольца. Например, у А.С. Пушкина: «И богатствами Востока он тебя не одарит, / И *поклонников* пророка он тебе не покорит». В языке более позднего периода слово утрачивает свои религиозно-культовые оттенки и приобретает чрезвычайно широкое эмоциональное значение «почитатель», затем – «влюбленный, человек».

К числу некогда производных существительных, отражающих процесс расширения значения слова, можно отнести слово *торжество*, заимствованное из старославянского языка, которое было некогда образовано с помощью суффикса -*ьство* от древнего *тръгъ* в значении «рынок». Отсюда и его исходное значение: «то, что совершается на торгу, на рынке» (то есть при большом скоплении народа). С этим связано и развитие широкого значения в слове *торжество:* «большое празднество», «полный успех в чем-либо, кого-либо», «чувство радости» и т.д. (*Семейное торжество. Торжество справедливости. Воскликнуть с торжеством*). Это значение было известно уже во времена А.С. Пушкина. Вот почему его знаменитые строки из «Евгения Онегина»: «Зима!.. Крестьянин, *торжествуя,* / На дровнях обновляет путь» необходимо читать, как «крестьянин, празднуя, обновляет путь».

В начале XIX века слова *передовой*, о*тсталый* или *противный* еще употреблялись в старом значении: *передовой* – «передний, находящийся впереди», *отсталый* – «отставший, оказавшийся позади других» и *противный* – «находящийся напротив». Отсюда и соответствующая сочетаемость приведенных прилагательных, отраженная в пушкинских текстах: «…*передовые* холмы хребта Саган-лу» («Путешествие в Арзрум»), «…уже *противных* скал достиг» («Кавказский пленник») или у М. Лермонтова: «…ребятишки с обычным криком стали гоняться за *отсталыми* овцами» («Вадим»). Постепенно, в связи с развитием общественно-политического движения в России, в слове *передовой* развивается значение «прогрессивный» (*передовые идеи*), в его социально значимом антониме *отсталый* – значение «стоящий на низком уровне развития», а слово *противный* трактуется как «враждебный,

отвратительный» [Виноградов 1999: 962-964]

В том же направлении произошли изменения и в слове *надменный*, которое содержит тот же корень, что и глагол *дуть*. Это слово буквально значило «надутый». Ср. у К.Н. Батюшкова: «Не буди горд и в ветр попутный опусти / Свой парус, счастием *надменный*» («Подражания древним»). Развитие значения дальше шло следующим образом: *надменный* парус > *надменный* человек «высокомерный, кичливый» (*надменный* тон). Например, у А.С. Пушкина: «*Надменный*! Кто тебя подвигнул? Кто обуял твой дивный ум? « Слово *надменный* в более поздний период и в современном языке является полным синонимом к прилагательному *надутый* в значении «высокомерный».

Несколько сложнее определить характер семантических изменений в глаголе *сморозить* «сказать какую-либо глупость», поскольку этимологическая связь со словом *мороз* может быть представлена как связь реальных отношений: человеку трудно замерзшими губами произнести что-либо внятное. «Это так, с морозу сорвалось», – пишет Даль о значении глагола *сморозить*. *Сморозить* – то есть «сказать какую-либо глупость от холода». Между прочим, слово *мерзкий* «отвратительный, гадкий» представляет тот же корень, но на иной ступени чередования.

Процесс расширения значения глагола может происходить буквально на наших глазах. Так, глагол *распоясаться* почти не используется в значении «развязать на себе пояс», но чрезвычайно употребителен в том отвлеченном значении, которое явилось результатом семантического переосмысления: «стать распущенным наглым, утратить сдержанность» (разг., неодобр.).

Противоположный процесс по отношению к расширению значения – с у ж е н и е семантического объема слова, также охватывает все категории слов в языке.

Процесс сужения семантики слова может быть отмечен прежде всего у существительных разной словообразовательной структуры. Это могут быть как непроизводные, так и производные имена, осложненные древнейшими и уже слабо вычленяемыми морфемами, отражающими отголоски былых продуктивных словообразовательных значений.

Ярким примером исторического процесса сужения является слово *вор*, достаточно поздно закрепившееся в русском языке (где-то около XVI в.) и пришедшее на смену старому *тать*, относящемуся в современном языке к

числу историзмов. Слово *вор* использовалось в значении «обманщик, лжец, мошенник» и употреблялось применительно к разного рода преступникам и разбойникам. Отсюда и прилагательное *воровской* в значении «мятежный изменнический» [Сомов 1996: 83]. В памятниках письменности, относящихся к Смутному времени, *вором* назван Лжедмитрий I, который был убит в 1606 году, и пришедший ему на смену самозванец, который развернул свой лагерь в районе Тушина, откуда и получил название «тушинский вор». В «Капитанской дочке» А.С. Пушкина комендант Белогорской крепости говорит Пугачеву: «Ты мне не государь, ты *вор* и самозванец, слышь ты!» Слово *вор* здесь употребляется в значении «злоумышленник, преступник». Производный от *вор* глагол *воровать* также долгое время использовался в языке в общем значении «обманывать, лгать, вводить в заблуждение». Это значение сохраняется у слова *воровать* вплоть до XVIII века. Возможно, что эта семантика слова *вор* отражена в какой-то степени в однокоренном слове *проворный* ‘такой, который всё делает быстро, умело’, ‘расторопный’ или ‘быстро двигающийся, живой, скорый’.

Постепенно слово *вор* сузило свое значение и стало называть лишь вид преступника, занимающегося кражами. Оно установило и обратные словообразовательные отношения со своим производным глаголом: *вор* – «тот, кто ворует». И лишь устойчивые сочетания типа *воровские дела* (не обязательно связанные с кражей) или *вороватый взгляд* (нечестный, плутовской, лживый) напоминают о старом значении слова *вор.*

Существительное *запад* было связано с глаголом *западать*, который функционировал в значении «заходить, закатываться за горизонт» (применительно к солнцу) и называл действие по этому глаголу. Затем слово *запад* превратилось в название места, где солнце заходит за горизонт, и, наконец, стало обозначать одну из четырех стран света, противоположную востоку.

Слово может сохранять широкое значение довольно длительное время в языке, уже утратив близкие связи с мотивирующим глаголом. Так, слово *подвиг* еще во времена А.С. Пушкина использовалось в значении «движение, стремление, шествие, тяжелый переход, путь, путешествие и т.д. «Мы тут остались ночевать и стали думать, каким бы образом довершить сей ужасный *подвиг*», – читаем мы в «Путешествии в Арзрум», где слово *подвиг* употребляется в смысле «переход» (через гору). Современное *подвиг* «героический поступок» или «важное по своему значению действие,

совершаемое в трудных условиях», основательно отдалилось от вышеприведенного слова, представляя семантику в новом, «суженном варианте» (*Боевые подвиги. Трудовой подвиг*).

Слово *наездник* первоначально связанное с глаголом *наезжать*, «нападать, наступать на кого-либо с оружием», откуда и *наезд*— «нападение», отмеченное словарем И.И. Срезневского, обозначало «верхового воина, совершающего набеги на неприятеля». Это значение было известно еще во времена А.С. Пушкина, хотя слово *наездник* в этот период уже приобрело и современный смысл. Так, в «Путешествии в Арзрум» слово *наездник* употреблено в значении «неприятель, враг»: «Граф послал Пущина осмотреть овраг. Пущин поскакал. Турки приняли его за *наездника* и дали по нему залп».

Иногда разнообразные семантические процессы представлены в однокоренных по происхождению словах как крайне противоположные. Так, слово *негодяй*, являющееся элементом указанного выше этимологического гнезда с корнем *год* (это бывшее причастие от глагола *не годити*), первоначально значило ‘не годящийся к военной службе’. Затем слово максимально расширило свой семантический объем и в языке более позднего периода выступает в значении ‘подлый, низкий человек’. Например, у Л.Н. Толстого: “В глубине души он чувствовал уже, что он *негодяй*, которому должно быть совестно смотреть в глаза людям”. Однокоренное по отношению к нему слово *угодье*, связанное по происхождению с тем же корневым *год*, наоборот, максимально сузило свой семантический объем, поскольку первоначально *угодье* – ‘всё то, что приносит пользу, угождает человеку’. Современное *угодье* – ‘место, территория как объект сельскохозяйственного использования или как место охоты’ (*Лесные угодья).*

Таким образом, изменения в семантической структуре слова могут происходить в разных направлениях, они могут носить противоположный характер, что необходимо учитывать при восстановлении истории того или иного слова. Это не противоречит распространенной точке зрения, что во всех языках общая тенденция движения в семантических изменениях слова представляет направление от конкретного содержания к абстрактному, хотя, как было видно из приведенных выше примеров, возможно и обратное изменение – от абстрактного к конкретному. В некоторых случаях, особенно при различных семантических смещениях по смежности, невозможно обнаружить ни то, ни другое направление изменений. Слово начинает

называть новую реалию, соотноситься с новым предметом, если указанное семантическое смещение произошло. Яркий пример тому – история слова *босоножка*(*и*). Возникнув на рубеже XVIII и XIX вв., слово *босоножка* называло женщину, которая ходит босиком, без обуви. Именно в этом значении употреблено это слово у Я. Полонского: «И о чем ей грезить – *босоножка* с детства. / Свитка да подушка – вот её наследство». В начале XX века *босоножками* стали называть артистов, танцующих босиком. Такую манеру танца ввела известная артистка А. Дункан. И, наконец, в XX веке слово *босоножки* стали называть вид летней обуви (для ношения на босу ногу).

Особое место в кругу семантических закономерностей, влияющих изменение функциональных особенностей слова, занимает интересное и недостаточно еще изученное явление – **энантиосемия,** или противоположность значений одного и того же слова. Энантиосемия не находит однозначного толкования в современных трудах по семасиологии. Большинство исследователей придерживается того мнения, что энантиосемия скорее всего относится к внутрисловной антонимии, поскольку антонимичными могут быть не только разные слова, но и разные значения внутри одного слова. Ее часто называют омоантонимией, находящей выражение в том или ином контексте и представляющей контрастность семантики прежде всего в сочетании с другими словами.

В современном русском литературном языке факты совмещения полярной семантики в пределах одного слова носят практически единичный характер. Классическим образцом подобных слов являются образования типа *лихой* «приносящий беду, злой, тяжкий» (*лихая* година) и *лихой* «молодецкий, удалой» (*лихой наездник*); *очевидно* «вероятно, по-видимому» (*он, очевидно, согласится*) и *очевидно* «достоверно, несомненно» (*он виновен, это очевидно*); *преданный* «исполненный любви и верности к кому-либо» и *преданный* «тот, кого предали», и т.д.

Гораздо чаще одно из значений свойственно определенному стилю и сопровождается в словарных статьях соответствующей пометой: разг. диал., простор, и т.д. Например: *славить* «воздавать хвалу кому-либо, чему-либо» и *славить* «распространять дурные слухи о ком-либо» (простор.); *задуть* «погасить» (*задуть свечу*) и *задуть* (терм.) «зажечь» (*задуть домну*); *блаженный* «в высшей степени счастливый» и *блаженный* (разг.) «глуповатый»; *хваленый* «расхваленный» и *хваленый* (ирон.) «о чем-нибудь,

не оправдавшем похвал, вызвавшем разочарование»; *честить* «оказывать почет» (устар.) и *честить* «ругать, обзывать обидными словами» (простор.), отсюда и противоположные значения в прилагательном *честный* в случаях: «*честное слово*» – выражение уверенности в истинности чего-либо и «*держаться на честном слове*» – «о каком-либо предмете: еле держаться»; *вовек* – «всегда, вечно, навсегда» (герои бессмертны *вовек*) и *вовек* (разг.) – «никогда» (*вовек* их слава не умрет) и т.д.

В особую группу относятся слова, заключающие в себе эмоциональную оценку как неотъемлемый элемент самого лексического значения. Это такие эмоционально-экспрессивные лексемы, в содержании которых находится указание не только на предметно-понятийную соотнесенность, но также указание на отношение говорящего к явлениям и предметам, о которых идет речь. Семантический сдвиг, происходящий в подобных словах, сопровождается определенной, чаще всего – негативной оценкой. Например, у И.А. Крылова: «Отколе, *умная,* бредешь ты голова? – Лисица, встретяся с Ослом, его спросила» .

Ко второй группе можно отнести слова, которые, будучи нейтральными в языке или явившись результатом семантического переосмысления, способны приобрести противоположное значение. Например, *голова* – в просторечии: Умный, толковый человек; *голова* – ирон. О несообразительном, недогадливом человеке;

К третьей группе относятся слова, приобретающие противоположное значение лишь в определенной ситуации. Сами по себе они не содержат эмоционального элемента, но в некоторых случаях, в ироническом употреблении они могут наполниться эмоциональным содержанием. Это касается таких слов, как *удружить*, где возможно как положительное значение «оказать дружескую услугу», так и иронически отрицательное – «причинить вред».

Возникнув на уровне речевом, полярная оценка может стать общеязыковой вследствие высокой частотности использования слов как в положительном, так и в отрицательном значении, что отражается в словарях. Например: *красивый* – ‘полный внутреннего содержания, высоконравственный’ *(красивый* поступок), но *красивый* – ‘эффектный, но бессодержательный’ (*красивый* жест); *сладкий* – ‘приятный, доставляющий удовольствие’ (*сладкие* мечты), но *сладкий* – ‘льстивый, лицемерный’ (*сладкая* улыбка).

Глагол *прозябать*, этимологически связанный с корнем -*зуб*-, ещё во времена Тредиаковского функционировал со значением «развиваться» (отсюда название известной работы «Прозябание философии»). Современное *прозябать* «вести жалкую, бессодержательную, бесцельную жизнь». Древнейшее же значение этого глагола «произрастать, развиваться», отмеченное словарями, было использовано в более поздний период развития языка в стилистических целях. Так, у Козьмы Пруткова в стихотворении «Помещик и садовник» мы находим искусственное оживление в слове *прозябать* старого значения: «Что, хорошо ль растенье *прозябает*? / Изрядно, – тот в ответ,– *прозябло* уж совсем». Глагол *прозябать* в языке XIX-XX века уже используется в значении «вести малосодержательную, унылую жизнь».

К особой группе слов, связанных с развитием разновременной энантиосемии, можно отнести такие лексемы, которые представляют своеобразный распад древнего широкого (диффузного) значения и закрепление в качестве последующего основного значения лишь одного из свойственных ему первоначально семантических оттенков. Примером подобных изменений в семантике может быть слово *победа,* которое в современном русском языке употребляется лишь со значением «успех в битве, войне». Правда, книжный фразеологизм «Пиррова победа» указывает на возможность использования этого слова в ином значении, близком к противоположному, так как «*победа*» может обозначать «поражение», отсюда и выражение *пиррова победа,* то есть *победа*, которая стоит огромного количества жертв, а это придает слову *победа* негативный смысл. Поскольку *победа* этимологически связано с *беда* (др. русск. *бѣдити* «приносить беду»), то первоначально прилагательное *победный,* образованное некогда от словосочетания *по беде*, могло функционировать со значением «несчастный». Именно это значение зафиксировано материалами для словаря И. И. Срезневского. Слово же *победа*, произведенное от того же словосочетания, означало состояние *после беды* или после преодоления беды; Поскольку после преодоления беды можно быть либо победителем, либо побежденным, то неудивительно, что слово *победа* первоначально совмещало в себе эти два контрастных значения. Их отмечал даже «Толковый словарь» В. Даля, где слово *победа* трактуется двояко: как «небольшая беда» и «победа». «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Ушакова дает прилагательное *победоносный* как один из вариантов объяснения семантики слова *победный*, так как *победный*

– это еще и «испытавший много бед, несчастный». В старинных значениях глагола *победить* «разорить, убить» еще ощущалась связь с существительным *беда* (разорить – то есть «причинить беду»), современное *победить* – «одержать победу над кем-либо» – уже не ассоциируется с бедой, постепенный отрыв слова *победа* от соответствующего *беда* дает возможность проследить поляризацию значений: *поражение – успех,* – ликвидировавшую некогда существовавшую семантическую двойственность слова *победа.* Семантический отрыв от былого производящего *беда* позволил слову *победа* максимально расширить свое значение в современном русском языке. *Победа* – это не только успех в бою, войне, но и успех в любом деле, в любой борьбе за что-либо (*спортивная победа*, *производственные победы*, *победа в любовных делах* и т.д.). Любопытно, что и слово *бедовый*, первоначально связанное с производящим *беда,* приобрело в своем значении положительную окраску. Совр. *бедовый* (разг.) значит «отчаянный, озорной» и т.д. Например, у А. Фадеева: «До чего парень *бедовый* – в огонь и в воду, и пуля его не

Таким образом, разновременная энантиосемия может быть представлена в языке значительным количеством образований со сложным историческим развитием семантического объема слова. Эти процесс оставил в современном языке массу свидетельств в виде однокорневых слов, представляющих собой контрастное сочетание значений одного этимологического корня в пределах производных образований. Правда, в целом ряде случаев единство корня восстанавливается с трудом (в силу исторических изменений, происшедших в его звуковом облике), но если реконструировать его исходный вид, учитывая характер закономерных и последовательных фонетических изменений, то своеобразная «двойственность» древнего корня представляется достаточно отчетливо. К числу подобных однокоренных форм можно отнести следующие:

ворчать – «сердито бормотать», но *ворковать* – «нежно разговаривать»; *клятва* – «торжественное обещание, уверение», но *проклятие* – «крайнее и бесповоротное осуждение с полным отказом от общения» (высок.); *начало* – «исходный пункт», но *конец* – «последняя грань чего-либо» (ср. *искони* «сначала»), *коновод* «тот, кто находится впереди, в начале», *палка о двух концах* и т.д.,

кормило – «руль судна (его передняя часть)», но *корма* – «задняя часть судна или транспортного самолета»; *праздник* – «день торжества, игр,

развлечений», но *упражняться* – «постоянной работой прививать какой-нибудь навык, учиться делать что-то»; *молвить* – «сказать» (уст.), но *молкнуть* – «умолкать, замолкать» (книжн.); *пучиться* – «вздыматься», но *пучина* – «морская бездна»; *торопиться* – «спешить», но *оторопь* – «недоумение, испуг, замешательство»; *хвала* – «высокая похвала», но *хула* – «осуждение, порицание» (стар.) и т.д.

Довольно трудно с точки зрения современных отношений отнести к однокоренным образованиям такие близкие по звучанию формы, как *желать* и *жалеть*, *любый* и *лютый*, *сладкий* и *соленый*, *столп* и *остолоп*, *ярый* и *яркий*, *чадо* и *исчадие* и т.д., настолько древние и сложные изменения произошли в их корневой морфеме. Лишь детально анализируя исторические изменения, происшедшие в пределах данных слов, можно возвести их к одному общему источнику. Подобные однокоренные лексемы, выражающие противоположные значения, могут использоваться в художественных текстах как выразительное стилистическое средство. Результатом длительных семантических изменений в языке явились словосочетания, переосмысление которых привело к закреплению значения, противоречащего смыслу содержащихся во фразеологизме слов. Например, *одному богу известно* (неизвестно никому), *во всей красе* (во всем великолепии и – во всей неприглядности), *по милости*...(благодаря кому-либо и – по вине кого-либо), *нечего сказать* (выражение согласия, подтверждения чему-либо или выражение возмущения по какому-либо поводу), *ни пуха ни пера* (пожелание успеха в чем-либо), *дело выгорело* (что-то удалось) и т.д.

В 30-ые годы прошлого столетия в язык пришло устойчивое сочетание *выходной день*, то есть день, свободный от работы, праздничный. *Выход* некогда означал – срок выплаты платы рабочим и отпуск на время. В современном языке *выходной* день – это день *невыхода* на работу, то есть свободный или праздничный, в связи с чем в слове *выходной* развилось новое значение, противоречащее его содержанию (ср. *выходное платье, выходной костюм*).

Энантиосемичными могут быть даже междометия, имеющие один и тот же словообразовательный стержень. Так, «Будь здоров!» значит «прощай, до свиданья», а «Здорово! Здравствуй» является междометием приветствия, хотя этимологически оба междометия выражают одно и то же содержание – пожелание быть здоровым

Энантиосемия проявляет себя в русском языке и на

словообразовательном уровне, что связано с возможностью выражения теми или иными словообразовательными средствами противоположных значений. Особенно распространено данное явление в префиксальных глаголах, поскольку именно приставки могут оформлять словообразовательные типы с противоположными значениями. Чаще всего энантиосемичными бывают в русском языке глаголы с приставками *вы-*, *до-*, *за-*, *от-*, *про-* и др., которые способны выражать разные значения (в том числе и противоположные), связанные с характеристикой основного действия; при этом одно из полярных значений производного глагола может содержать дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску.

Глаголы с приставкой *вы-* характеризуются противопоставлением значений: создание – «уничтожение чего-либо посредством действия, указанного мотивирующим глаголом». Отсюда: *вырубить* «уничтожить рубкой» (*вырубить* рощу) и *вырубить* «изготовить рубкой» (*вырубить* фигуру из камня); *вывести* «истребить, уничтожить» (*вывести* моль) и *вывести* «расплодить, произвести на свет» (*вывести* цыплят); *вырезать* – «разрезая, удалить откуда-либо» (*вырезать* заметку из газеты) и *вырезать* – «создать что-либо чем-либо режущим» (*вырезать* на камне узор), *выплести* «расплести, вынуть» (*выплести* ленту из косы), *выплести* «сплести» (*выплести* узор) и т.д.

Кроме того, глаголы с приставкой *вы-* могут выражать двойную направленность действия при мотивации глаголами перемещения, то есть обозначить, куда или откуда направлено действие. Например: *выпрыгнуть* – «прыгнув, удалиться куда-либо» (*выпрыгнуть* из окна) и *выпрыгнуть* – «прыгнув, появиться откуда-нибудь» (из кустов *выпрыгнул* заяц), *высыпать* – «сыпля, удалить откуда-либо» (*высыпать* ягоды из корзины) и *высыпать* – «появиться, выступить в большом количестве» (*Высыпали* звезды на небе).

Особую роль в кругу семантических закономерностей, влияющих на формирование функциональных особенностей слов в поэтическом языке играет именно энантиосемия, служащая одним из чрезвычайно выразительных стилистических средств. Например, у А.Ахматовой «От других мне *хвала* - что зола, От тебя и *хула* – по*хвала*». Многочисленные пример использования контрастных значений в предела одного слова или корня находим и в пушкинском тексте, Поэт в соответствии со своими принципами «соразмерности и сообразности» по-новому использует некоторые слова, представляя их в семантически преобразованном виде,

связанном с выражением тонкой иронии и неповторимого пушкинского юмора. Так, с общим значением глагола *идти* связаны более конкретные и стандартные: ‘приходить’ и ‘уходить’; со значением глагола *нести* — ‘приносить’ и ‘уносить’: *нести* (сюда) ‘приносить’ и *нести* (туда) ‘уносить’. Подобные особенности приведенных глаголов мы находим в том числе и в пушкинском тексте:

(1) *За весной, красой природы,*
Лето знойное пройдет —
И туман. И непогоды
Осень поздняя ***несет;***

но

(2) *Лети, корабль, неси меня к пределам дальным*
По грозной прихоти обманчивых морей.

Приведенные особенности многих нейтральных слов, обладающих окказиональными энантиосемичными особенностями, позволяют часто использовать их как средство словесной иносказательности. Классическим примером подобного использования могут служить строки А.С. Пушкина в «Евгении Онегине», характеризующие светское «общество» или отдельных его представителей:

«Тут был, однако, *цвет* столицы, / И знать, и моды образцы, / Везде встречаемые лица, / Необходимые *глупцы...*»

«Гвоздин, хозяин *превосходный,* / Владелец *нищих* мужиков...»

«Поэт же *скромный,* хоть *великий...*» (о глупом и невежественном Трике).

«Зато читал Адама Смита / И был *глубокий* эконом...»

В словах-характеристиках: *цвет* (столицы), *знать*, *превосходный* (хозяин), *великий* (поэт), *глубокий* (эконом) А.С. Пушкин передает свое резко отрицательное отношение к тем персонажам, о которых идет речь, используя слова, приобретающие негативную окраску лишь в указанных контекстах, наполненных глубокой иронией.

Развитие противоположных семантических оттенков в слове представлено прежде всего у качественно-оценочных образований, способных к варьированию названной оценки. Так, слово *жалость* называет гуманное и доброе чувство сострадания, в котором нуждаются люди слабые и несчастные; сильных же людей жалость унижает и оскорбляет. Вот почему

у слова *жалость* развиваются противоположные значения, называющее чувства как добрые, так и унизительные. Например, у А. С. Пушкина:

(3) *Но вы, к моей несчастной доле*
Хоть каплю ***жалости*** *храня,*
Вы не оставите меня.

Второе значение поддерживается смысловой ассоциацией с однокоренным прилагательным *жалкий* ‘ничтожный, негодный, презренный’. Так, у А. С. Пушкина:

(4) *Но всё в элегии ничтожно;*
Пустая цель её ***жалка;***
Меж тем цель оды высока
И благородна.

Иногда слово само способно передавать противоположные смыслы в своих пределах. Положительная или отрицательная коннотация при этом выявляется в контексте. Примером тому может служить слово *лесть*, которое в пушкинском тексте обладает двойным смыслом.

1. ‘Восхваление, слова, внушенные желанием угодить кому-либо’:

(5) *С тобой веселости он расточал избыток,*
Ты ***лесть*** *его вкусил, земных богов напиток.*

2. ‘Соблазн. обман’:

(6) *Полон злобы, полон мести,*
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без ***лести.***

Классическим примером энантиосемии может быть и слово *прелесть* с корневым *лесть*, и производное от него прилагательное *прелестный,* которые обладали первоначально отрицательной семантикой и употреблялись с соответствующим значением со знаком минус. Древнерусское *прелесть* означало ‘обман, соблазн, заблуждение, коварство’, а *прелестный* — ‘льстивый, коварный, вводящий в заблуждение’. Это и понятно, поскольку этимологически *прелесть* — это *пре+лесть*, то есть *лесть* в превосходной степени. Приведенное значение, отмеченное «Материалами для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, существовало у слова *прелесть* достаточно долго. Особенно в языке XVII–XVIII вв., сохраняя исконную семантику, слово *прелесть* (и *прелестный*) стало необычайно частотным, поскольку в период больших крестьянских

выступлений оно использовалось в качестве определения к тем призывам, воззваниям и посланиям восставших крестьян и взбунтовавшемуся народу, которые назывались «*прелестными* (или *воровскими*) письмами», то есть лживыми, обманными, побуждающими к преступлению закона. Лишь в XVIII–XIX веках начинаются семантические сдвиги в слове *прелесть* и оно приобретает значение ‘очарование, обаяние, привлекательность’. По мнению некоторых исследователей, это изменение связано с переходом слова *прелесть* в определенные жанры светской литературы, употреблением в новом контексте без старого негативного смысла. Классическим примером возможности совмещения в пределах слова *прелестный* старого и нового значения являются известные пушкинские строки типа *во лжи прелестной обличу*, но *ещё ты дремлешь, друг прелестный*.

В современном русском языке сохранились лишь отголоски былого значения слова *лесть* (*льстить*) в однокоренном глаголе *обольщать* ‘обманывать’ или в устойчивых сочетаниях *льщу себя надеждой* (то есть обманываю) или *зря обольщаюсь* (то есть обманываюсь) и т. д.

Двойственность значений совмещает у Пушкина и слово *купец,* которое способно называть лицо, занимающееся торговлей: как продавца, так и покупателя.

(7) *Дитя расчёта и отваги,*
Идёт купец взглянуть на флаги □...□

но

(8) *Аль отказываешь нам?*
Аль товар не по купцам?

Классическим примером соединения двух контрастных значений в пределах одной лексемы является и слово *погода*, которое у Пушкина содержит два смысла: ‘хорошая погода, вёдро’ и ‘непогода, ненастье’:

(9) *Брожу над морем, жду погоды,*
Маню ветрила кораблей □...□
Погода *пуще свирепела,*
Нева вздымалась и ревела.

Слово *погода* в «Материалах» И. И. Срезневского отмечается в значениях: ‘благоприятная погода’ и ‘непогода, буря’. Способность к совмещению подобной семантической полярности сохраняется у этого слова длительное время. «Толковый словарь» В. Даля отмечает: «На юге, западе погода нередко означает ведро, хорошее, ясное сухое время, в прочей же Руси

погода значит *непогода*, ненастье: дождь, снег, метель, буря». [Даль III: 155–156].

Многообразие семантических оттенков, свойственных древнему слову, может быть настолько обширным, что оно содержит не два, а несколько контрастных значений. В качестве образца может быть приведено слово *лихой*, употреблявшееся в древнерусском языке, судя по «Материалам словаря…» И.И. Срезневского, с чрезвычайно широкой системой значений: «лишенный чего-либо», «негодный, дурной, плохой», «дерзкий», «злой, коварный, жестокий», «быстрый, ловкий, умелый», «превосходный». В памятниках древнерусской письменности слово *лихой* широко употреблялось с отрицательным значением: «дурной, плохой» (*лихое слово* – «дерзкое, вызывающее», *лихое дѣло* – «дурное, неправедное», *лихой человѣкъ* – «с дурным глазом» и т. д.). *Лихими людьми* в XV – XVII веках называли татей, убийц, разбойников и т.д. Слово *лихой* обладало ярко выраженным эмоционально-отрицательным значением.

Лихой в значении ‘смелый, отважный’ начинает употребляться в литературном языке лишь со второй половины XVIII века, в XIX веке слово *лихой* окончательно закрепляет в своей семантической структуре два основных полярных значения ‘злой’ и ‘молодецкий, удалой’, характер противопоставления которых совершенно иной, чем в древнерусском языке. Так, в произведениях А. С. Пушкина находим:

(10) *Не мы ли яростно топтали,*
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя? (*лихих,* то есть ‘злых’)

и

(11) *Здоро́во, рыцари лихие,*
Любви, свободы и вина! (*лихие,* то есть ‘удалые, молодецкие’) и т. д.

Энантиосемия в пушкинском тексте − один из наиболее важных приемов создания иронии, тонкого юмора или сатирического оттенка высказываемого связан со способностью пушкинского слова передавать в тексте противоположный смысл. Чаще всего это достигается за счет его особого употребления, введения в контекст определений, называющих взаимоисключающие понятия. Приведенные особенности многих нейтральных слов, обладающих окказиональными энантиосемичными особенностями, позволяют использовать их как определенное средство

словесной иносказательности в художественной литературе, связанное с ироническим изображением отдельных персонажей. Таким примером подобного использования могут служить строки А. С. Пушкина в «Евгении Онегине», характеризующие светское общество или отдельных его представителей:

(12) *Гвоздин, хозяин* ***превосходный,***
Владелец ***нищих*** *мужиков.*

(13) *Поэт же скромный, хоть великий.*

В словах-характеристиках: *превосходный* (хозяин), но *нищие мужики* − А. С. Пушкин передает свое резко отрицательное отношение к тем персонажам, о которых идет речь, используя слова, приобретающие негативную окраску лишь в указанных контекстах, наполненных глубокой иронией.

Говоря о глупом и невежественном Трике, Пушкин с глубоким ироническим подтекстом, превращающим положительные оценки в отрицательные, называет его *скромным и великим* поэтом, который способен явить из праха куплет, напечатанный *меж ветхих песен альманаха*.

Называя Онегина *глубоким экономом,*

(14) *Зато читал Адама Смита,*
И был глубокой эконом.
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет, —

Пушкин явно издевается над своим героем, получившим дворянское воспитание: ведь его, как известно, учили «чему-нибудь и как-нибудь».

Иногда противоположная семантика придается в результате сопоставления словесных характеристик, имеющих контрастные значения, подчеркнутые специальным контекстом.

(15) *Тут был однако* ***цвет*** *столицы,*
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые ***глупцы.***

В этой знаменитой фразе первая часть содержит лексемы с явно положительной коннотацией, характеризующей представителей высшего света, вторая же, своеобразно контрастируя с первой, указывает на противоположное содержание этих слов, поскольку здесь есть скрытый подтекст, дающий ироническую оценку лицам, относящимся к «цвету столицы».

Тот же прием используется Пушкиным при характеристике отдельных героев, в частности, Зарецкого, изображенного с ярко выраженным сатирическим отношением автора. Поэт прибегает при этом к развернутым приложениям, подчас очень оригинально и контрастно соединенным, что приводит к созданию комического и иронического эффекта.

(16) *И здравствует ещё доныне*
В философической пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой,
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

Здесь много слов включено в образно-сатирическую характеристику Зарецкого, причем его прошлое воспроизводится с помощью слов-определений: *буян, атаман, глава повес* и т. д., которые содержат в себе негативную окраску. Во второй же части даются словесные одобрительные оценки (*надежный* друг, помещик *мирный, честный* человек), которые на самом деле выражают противоположные значения, что проявляется в своеобразном контрасте со словами-характеристиками первой части и ироническом употреблении частицы *даже*, подчеркивающей скрытый негативный смысл определений.

Сатирически изображая образ Зарецкого, Пушкин характеризует его военные подвиги и при этом использует двуплановость слова *упоенье*:

(17) *И то сказать, что и в сраженье,*
Раз в настоящем упоенье,
Он отличился, смело в грязь,
С коня калмыцкого свалясь
Как зюзя пьяный.

Упоенье ассоциируется как со значением ‘состояние восторга, восхищения’, так и со значением ‘состояние пьяного человека’, на что дополнительно указывает сравнительный оборот,используемый обычно в просторечии *как зюзя пьяный*.

Пушкинское слово всегда идейно насыщено, обогащено выразительным отражением реальной действительности. При этом особого внимания заслуживает проблема пушкинского остроумия, связанная со способностью к сближению внешне далеких понятий, слов и фраз, необходимых для выражения точной и глубокой мысли.

Называя специалиста в конкретном деле, слово *мастер*, как известно, приобретает не только конкретное, но и положительное значение ‘умелец’, ‘виртуоз в каком-то деле’, ‘специалист’. Постепенно слово *мастер* увеличило свой семантический объем и стало относиться не столько к той или иной профессии, сколько к характеристике человека, приобретая при этом часто негативную окраску: от легкой иронии до резкого сарказма. Так, у А. С. Пушкина:

(18) *Доктор мой кнута достоин,*
Хоть он трус, хоть он не воин.
Но уж ***мастер*** *воевать,*
Лечит делом и словами.

В эпиграмме «На Фотия» Пушкин удачно обыгрывает двойной смысл слова *благой,* которое, с одной стороны, использовалось с церковнославянским значением ‘добрый, честный’ и с другой — с просторечным — ‘глупый, дурной’. (Ср. фразеологизмы: *благие намерения,* но *кричать благим матом*).

(19) *Пошли нам, господи, греховным,*
Побольше пастырей таких,
Полу- благих, полу- святых.

Иногда именно авторская семантизация способствует созданию энантиосемии: узуальное значение слова скрепляется с окказионально-авторским, что реализуется в определенных контекстуальных условиях. Например, в «Истории села Горюхина»:

(20) *Благородные, просвещенные французы □...□ ознаменовали своё торжество достойным образом. Они зажгли Москву.*

Способность слова к совмещению противоположных значений может быть связана со словообразовательными моментами. Так, как известно, прилагательные на *-ный*, мотивированные глагольно-именными основами, способны выражать разные оттенки отношения к действию или мотивирующему имени.

Вот почему слово *печальный* у Пушкина — это и ‘содержащий в себе печаль’ и ‘навевающий печаль’. Ср.

(21) *И, наконец, любви тоска*
В печальной речи излилася □...□
Близ ложа моего печальная свеча
Горит.

Теми же особенностями обладает и антонимичное прилагательное *радостный,* которое в пушкинских текстах используется как в значении ‘полный радости, проникнутый радостью’, так и в значении ‘внушающий, доставляющий собой радость’.

Ср.:

(22) *Внемлите радостному кличу,*
О дети пламенных пустынь!
Пятнадцать лет мне скоро минет,
Дождусь ли радостного дня?

Отглагольное существительное *тревога* также выступает у Пушкина в двух значениях, близких к противоположным: ‘праздничная суета, суматоха, оживление’ и ‘беспокойство, волнение (в ожидании опасности)’, что связано с возможностью глагольной мотивации. Ср.

(23) *В передней толкотня,* ***тревога,***
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц □...□
А там по киевской дороге
*Телега ехала****. В тревоге***
Все взоры обратились к ней.

Иногда слово может выражать «скрытое» значение, которое определяется в достаточно широком контексте:

(24) *В нем дамы видели талант,*
И мог он с ними в самом деле
Вести ученый разговор
И даже ***мужественный*** *спор.*

Слово *мужественный* здесь звучит иронически, поскольку собеседниками героя указываются светские дамы. За этим словом видно скрытое противоречие между предметом беседы и политико-интеллектуальным обликом собеседников [Лотман 1983: 39].

Такими же особенностями обладает и существительное *искушение,* которое, с одной стороны, называет ‘соблазн, что-нибудь манящее, влекущее’ и с другой — ‘испытания, требующие мужества, бедствия, невзгоды и т. д.’. Ср.

(25) *Рожденный для любви, для мирных искушений,*
Зачем я покидал безвестной жизни тень.

но

(26) *В искушеньях долгой кары ,*
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь.

Таким же ироническим смыслом наполнено и слово *педант* в контексте:

(27) *Ученый малый, но педант*.

У Пушкина *педант* — ‘человек, выставляющий напоказ свои знания, свою ученость, с апломбом судящий обо всём’.

В СРЯ XVIII: *педант* — ит. pedante, через нем. Pedant, фр. pédant. *Учитель, ученый, придерживающийся формального порядка в чем-л., приверженный к мелочам*. [СРЯ XVIII 18: 255]. Подобным использованием слова Пушкин подчеркивает противоречие между реальным уровнем знаний Онегина и представлением о нем «общества». В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Ушакова это значение помечено как устаревшее, основное же — ‘ученый, не желающий ничего знать, кроме своей науки, буквоед, формалист в науке’ [Ушаков III: 78].

Таким образом, способность слова к различным семантическим превращениям умело используется великим поэтом как одно из важнейших стилистических средств, в том числе — для создания иронии, причем языковые изменения используемых лексем в пушкинских текстах носят глубоко индивидуальный характер, что и отличает великого поэта как от его предшественников, так и от современных ему авторов.

Читая Пушкина, необходимо понимать не только значение отдельных слов, избегая трактовки их значения с точки зрения современного словоупотребления, но и уметь представить себе лексический фон того или иного слова, то есть, как писал Валерий Брюсов в 1918 году, чтобы вполне понимать Пушкина, необходимо хорошо знать его эпоху, исторические факты, подробности биографии поэта, знать язык Пушкина, его словоупотребление, всё миросозерцание Пушкина. [Люстрова 1978: 90–91].

Недостаточная изученность процессов развития полярных значений в пределах одного слова приводит в лингвистической литературе к терминологической неупорядоченности, связанной с необходимостью определения энантиосемии, которую некоторые исследователи называют и омоантонимией, и результатом полисемии, и частным случаем омонимии, и

внутрисловной антонимией и т. д. Особое место она занимает в языке поэзии, поскольку здесь чаще всего можно встретиться с такими семантическими закономерностями, которые влияют на изменение функциональных особенностей слова. Вот почему развитие противоположных семантических оттенков в пределах одного слова достаточно широко представлено в произведениях Пушкина и является одним из важнейших стилистических приемов характеристики как отдельных персонажей, так и тех или иных состояний человека в определенной ситуации, что и придает пушкинским текстам ту выразительность, которую так высоко всегда ценили читатели и критики его произведений. Вот почему изучение языка А. С. Пушкина предполагает прежде всего учет своеобразия семантики отдельных слов, тех изменений, которые произошли в них, особенностей словоупотребления. И энантиосемия, или противоположность значений одного и того же слова, выполняет при этом важную стилистическую функцию в целом ряде его произведений.